

Прус. *aukis* ‘grif’ EV 708: слышимый или видимый образ птицы?

†Анатолий Непокупный

The author follows Nesselmann in assuming that OPr. *aukis* ‘grif’ (EV 708), rather than referring to the fabulous creature, denotes an existing bird, the bearded vulture (*Gypaëtus barbatus*). He rejects the reading *ankis* proposed by some scholars and connects *aukis* with the Lith. verb *aukúoti* ‘rock, sway’, assuming that the word is not onomatopoeic but refers to the visual image of the soaring bird of prey.

...он парит в голубом океане, сомкнувши клюв...
(И. Бродский. “Осенний крик ястреба”)

0. Пишущему эти строки уже не раз приходилось убеждаться в справедливости тезиса, что логика предмета находит свое отражение в истории его развития, а динамика сюжета – в композиции произведения. Предлагаемое разыскание также не является исключением из этого правила.

В Эльбингском словаре прусского языка (далее сокращенно – ЭС, а при цитировании памятника – EV) вторым по численности после наибольшей тематической группы “Человек” (Mensch EV 67–168) является раздел “Птица” (Vogel EV 706–773). Вместе с тем далеко не лишено своего значения и то, что не менее мотивированной и также второй, но уже по месту расположения в пределах собственно орнитонимической части западнобалтийского уникума оказывается и та статья, в которой нем. *grif* переведено прус. *aukis* (EV 708). На последней лексеме мы и сосредоточим свое внимание.

Наше изучение упомянутого прусского названия птицы имеет своей целью поиск ответов на три вопроса:

1. Что отражает исследуемый орнитоним – миф или реальность?

2. Какой является внешняя форма обсуждаемого птичьего наименования в ЭС, иными словами – как именно следует читать в тексте этого памятника западнобалтийское соответствие нем *grif*?

3. Какой представляется внутренняя форма прусского орнитонима, т. е. в чем можно видеть его этимологические связи с лексикой прусского и других балтийских языков?

Сказанным определяется общий план как анализа сформулированной в заглавии темы, так и порядка изложения некоторых итогов ее разработки.

При этом особое внимание уделяется, во-первых, тому периоду, так сказать, “первоначального накопления капитала”, когда происходило лишь первое знакомство филологов с Эльбингским лексиконом, а во-вторых, корректности использования полученных тогда результатов в современной балтистике. Здесь прежде всего имеем в виду труды первого публикатора и первого исследователя ЭС Г. Г. Ф. Нессельмана, с которого и начинается история вопроса об интересующем нас прусском орнитониме.

1.0. Своим комментарием к статье EV 708 в *Тезаурусе прусского языка* 1873 г. Нессельман фактически заложил программу дальнейшего изучения соответствующего западнобалтийского орнитонима на весь XX-ый и начало XXI-го века. И первое противоречие, на которое указал ученый, заключалось в выборе одного из двух вариантов ответа на вопрос: что стоит за обозначаемым немецкой и прусской лексемами – мифическое животное или же реальная птица?

1.1. Отказываясь даже от теоретической возможности отождествить обсуждаемую немецкую форму с известным с античных времен наименованием мифического существа с телом льва и головой и крыльями орла (“es ist aber schwerlich an den fabelhaften γρύψ zu denken”), автор термина “балтийские языки” указал на то, что немецкое соответствие прусскому орнитониму обозначает также коршуна – ягнятника, или бородача (“das deutsche *Greif* bezeichnet auch den Geier, Geieradler”).

1.2.0. В пользу того, что Нессельман действительно был прав в своей трактовке собственно орнитологического содержания статьи EV 708, свидетельствует ряд аргументов, но прежде всего – тот весьма широкий культурно-исторический контекст, в котором выступают так или

иначе связанные друг с другом названия реальных птиц и мифического “метиса”.

1.2.1. Так, по словам автора исследования об орнитонимии латинского языка, “сказочное животное, наполовину орел, наполовину лев, происходящее из Персии, не должно было бы фигурировать здесь [т. е. в труде на обозначенную тему. – А. Н.], если бы Плиний [Старший в *Естественной истории*. – А. Н.] X, 136 не причислил его к птицам” (André 1967: 89).

Вместе с тем, когда при переводе Библии с древнееврейского языка на греческий возникла необходимость воспроизвести перечень птиц, которые в Пятикнижии Моисеевом как “нечистых” воспрещалось употреблять в пищу, то “черный список” возглавил орел (ἄετός) как соответствие др.-евр. *nešer*, тогда как на втором месте оказался уже “наполовину орел”: название мифического существа (γρύψ) было использовано в новой роли эквивалента орнитонима *peres*, представленного в оригинале Ветхого завета. Ср. начала греческого и латинского перечней “нечистых” пернатых, как их, основываясь на важнейших памятниках, выстроил известный английский семитолог Г. Р. Драйвер (соответственно Третья и Пятая книги Моисеевы):

1.	<i>nešer</i>	ἄετός	<i>aquila</i>
2.	<i>peres</i>	γρύψ	<i>gryps</i>

(Driver 1955: 7).

Однако, приводя оба ряда орнитонимических соответствий исходной семитской форме в греческом и латинском языках, нельзя не оговорить того, что др.-евр. *nešer* – это “скорее чем орел, вне сомнения, первоначально гриф (*the vulture*), по всей вероятности – гриф (или сип) белоголовый (*the griffon-vulture*)” (*ibid.*, 8), что подтверждается современным араб. *nīsr* ‘гриф’ (*vulture*), употребляемым – в зависимости от контекста – также и в значении ‘орел’ (*eagle*) (*ibid.*, 9).

Поскольку и № 2 в птичьих списках обеих упомянутых книг – др.-евр. *peres* “видимо, также является грифом (*a vulture*)” (*ibid.*), следовательно, можно считать, что в христианских (греческом и латинском) переводах ветхозаветных названий “нечистых” пернатых противопоставление орел – гриф (< ‘полуорел’), на наш взгляд, выступает в более контрастном виде, чем в его исходном древнееврейском варианте.

Ср. соответствующие стихи в ныне функционирующем русском тексте Пятикнижия:

Левит (XI, 13) – Из птиц же гнушайтесь сих: орла, грифа, морского орла...

Второзаконие (XIV, 12) – Но сих не должно вам есть из них: орла, грифа и морского орла...

Как видим, в приведенных отрывках орел предшествует грифу. И, надо полагать, что также и в этом следует искать объяснение того, почему Траутман не мог принять, как кажется, неожиданной для него “рокировки фигур”, которую он обнаружил в Эльбингском словаре:

708 ‘гриф’: *grif aukis*

709 ‘орел’: *are arelie [*arelis]*.

1.2.2. Возвращаясь к основному предмету нашего внимания – дохристианской и христианско-античной орнитонимической цепочке др.-евр. *peres* – гр. *γρῦψ* – лат. *gryps*, только в сравнении с которой и следует рассматривать ее средневековое продолжение в виде нем. *grif* – прус. *aukis* (EV 708) вообще и орнитологическую оценку последнего, данную Нессельманом (1873 г.) в частности, перейдем к семантической характеристике исходного семитского птичьего названия, ранее лишь отчасти затронутой нами (1.2.1).

По словам автора выше уже цитированной статьи “Птицы в Ветхом завете”, в контексте как самого древнееврейского, так и других семитских языков – и мертвых (аккадский), и живых (арабский), орнитоним *peres* обозначает ‘smasher’, т. е. ‘нечто сногшибательное; сокрушительный удар’, что позволяет отождествить это название, в частности, со скопой или букв. ‘бородатым грифом’ (“...that it may be identified with the ‘bone-breaker’, i.e. ossifrage or bearded vulture...”) (*ibid.*, 9).

При этом не лишним будет отметить, что, приводя последний птичий термин (субстантивное словосочетание), исследователь дополнительно ссылается на то, что и иной, уже арабский орнитоним со значением ‘bone-breaker’ – это *Gypaëtus barbatus* (*ibid.*), т. е. вид коршуна – птицы семейства ястребиных с размахом крыльев до 2,7 м и массой до 7 кг, распространенной в горах Южной Европы, Азии, Африки.

1.2.1 – 2. Таким образом, в исторически последовательном ряду ор-

нитонимов, а именно: др.-евр. *peres* – гр. *γρύψ* – лат. *gryps* – нем. *grif* – прус. *aukis* – на обоих его концах – как начальном, так и конечном, независимо друг от друга и на материале различных языков обнаруживает себя одно и то же орнитологическое значение – *Gypaëtus barbatus*. И в этом факте следует видеть доказательство бесспорной правоты Нессельмана в его трактовке именно “птичьего” содержания 708-ой статьи Эльбингского словаря – *grif aukis*.

Кстати сказать, уместно напомнить, что в следующем (после приведенного выше, см. 1.2.1) стихе из *Левита* и *Второзакония* первым назван именно коршун. Ср. соответственно:

(XI, 14) – *Коршуна и сокола с породю его...*

(XIV, 13) – *И коршуна, и сокола, и кречета с породю их...*

1.3. В отличие от Нессельмана, решившего самим же собою сформулированную семантическую альтернативу в пользу реально существующей птицы (Nesselmann 1873: 6), вступивший с ним в полемику Траутман твердо заявил: “*aukis* Mask. V. 708 ‘grif’ [‘der fabelhafte Vogel Greif...’]” (Trautmann 1910: 306). Такая уверенность не в последнюю очередь, видимо, была обусловлена также и тем, что в немецкой лексикологии принято датировать появление самого названия *Vogel Greif* (в отличие от *Fabeltier Greif*) лишь с XVI ст. (Grimm 1935: 10), а это очень далеко выходит за рамки времени создания ЭС с его собственной формой *grif*.

Вслед за автором первого издания свода прусских памятников это же определение “*der fabelhafte Vogel Greif*” повторил Я. Эндзелин (Endzelīns 1943: 146), далее – В. Н. Топоров (1975: 148): “*aukis* ‘гриф’ (сказочная птица)” и, наконец, В. Мажюлис, который, вкратце изложив историю вопроса, также присоединился к позиции Траутмана (Mažiulis 1988: 111–112).

Однако позволим себе не поддаваться магии имен и безоговорочно не пойдем по стопам крупнейших авторитетов балтистики XX века – как Р. Траутмана, с одной стороны, так и разделивших его позицию (в оценке обсуждаемого орнитонима) Я. Эндзелина, В. Н. Топорова и В. Мажюлиса – с другой, и спросим себя: а что, собственно говоря, придало уверенности первому из названных исследователей в правоте своей точки зрения, если он счел возможным даже сделать полемиче-

ский выпад против автора *Тезауруса прусского языка* – “wie Nesselmann, Thes[aurus linguae prussicae] 6 will” (Trautmann, *ibid.*), т. е. ‘как [вопреки убежденности автора цитируемого высказывания. – А.Н.] хочет Нессельман’?

В своем возражении последнему, утверждая, что сказочная птица гриф уже из-за своего положения перед орлом (подчеркнуто нами. – А.Н.) – это не ‘коршун’ (“schon wegen seiner Stellung vor dem Adler nicht ‘Geier’”), Траутман, очевидно, молчаливо исходил из традиционного представления об орле “как общепризнанном царе птиц и владыке небес” (ср. Гура 1997: 610).

Однако сохранил ли такой “царь” свой статус (и – соответственно – и позицию) и в ЭС? В том-то и дело, что уже нет.

1.4. Реестр птиц в ЭС открывает отнюдь не орел, а выигравшая у него соревнование за монарший титул (сказочный сюжет АТ [А. Аарне – С. Томпсона] 221 А – “Кто летает выше всех?”) наименьшая по своим размерам птичка королек (или крапивник), которая и оказалась во главе “царства пернатых”, фрагмент “переписи населения” которого и представлен в древнейшем лексиконе балтийских языков – *prestors* EV 707 (Непокупный 1998: 113–114).

Впервые предложенная нами в докладе на Втором прусском коллоквиуме (Могиляны вблизи Кракова, 3–6 октября 1996г.) этимология прусского птичьего названия, до тех пор не имевшего своей “родословной”, встретила не только устную (в “живом” отклике), но затем и письменную поддержку участников Международного форума (Stundžia 1996: 279; Schmalstieg 1997: 255; Blažek 1998: 15).

Важное уже и само по себе, “декодирование” прус. *prestors* позволило сделать первые шаги на пути перехода от установившейся традиции исключительно – скажем так – “поштучного” рассмотрения западно-балтийских орнитонимов к поискам элементов системы, в контексте которой и надлежит анализировать каждую “отдельно взятую” форму, в том числе и непосредственно следующее за “лидером” прус. *aukis* EV 708. Следовательно, поставленный Траутманом вопрос о месте *aukis* относительно (здесь, в ЭС) уже бывшего “царя птиц” ныне должен быть окончательно “списан в архив”: коршун по своим размерам крупнее орла, чем и обусловлена последовательность размещения статей: сначала о первом – EV 708, а затем и о втором – 709 (прус. *arelie* (< **arelis*)).

Как показало наше дальнейшее исследование структуры ЭС, хотя “презентация” отдельных видов животных в пределах трех фауногрупп и начинается с наиболее крупных существ, однако для перечня птиц сделано исключение, поскольку здесь речь идет уже не о физическом, а о социальном измерении: нем. *Königelyp* EV 707 ‘королек’ занимает ту же самую позицию после заглавного *Vogel* 706 ‘птица’, что и *König* 405 ‘король’ – после рубрикационного *Herre* 404 ‘господин’, т.е. это первые места в соответствующих тематических блоках (Непокупный 2005: 70–71).

Вместе с тем “на контрасте” вслед за действительно “сказочной птицей” (но только в фольклорной роли царя) следует и в самом деле крупнейший представитель пернатых, которым и оказывается коршун (и тут уже на передний план выходят чисто количественные “аргументы” – длина тела, размах крыльев, вес).

Что же касается происхождения самого названия – прус. *aukis* EV 708, то предлагаемую здесь версию мы впервые выдвинули (в качестве предварительной заявки) в своем докладе на Международной конференции, посвященной дню рождения Я. Эндзелина, которая проходила в Институте латышского языка (г. Рига) 21–22 февраля 2002 г. (Непокупный 2002: 45).

1.1–4. Подобно тому, как в фаунолексике ЭС не представлен “целый” лев, точно так же в этом памятнике нет и его “половины” (в комбинации с “половиной” орла).

Ситуация, которая в истории вопроса о EV 708 сложилась вокруг трактовки заголовного слова *grif*, во многом напоминает тот же самый “расклад” характеристик, что наблюдается и в отношении прус. *weloblundis* EV 437. Во-первых, название экзотического животного – “корабля пустыни” перенесено здесь уже не на сказочную, а на вполне реальную помесь лошади с ослом, т. е. мула, а во-вторых, регион распространения последнего – это, в частности, юг Европы. Ср. как об этом пишет автор *Цивилизации средневекового Запада*:

“Мул и осел были незаменимы не только для преодоления гористых участков в средиземноморском регионе; вьючный транспорт широко применялся и там, где условия рельефа этого, казалось бы, не требовали” (Ле Гофф 2005: 263).

И тем не менее основным ориентиром для локализации носителя экзотического прусского зоонима остаются для нас северные окрестности Средиземного моря, что совпадает с ареалом бытования различных видов носителей орнитонима *grif* EV 708, как его интерпретировал автор *Тезауруса прусского языка*. См. карты “Bartgeier”, “Gänsegeier” и др. (Fischer 1963: 64, 98, 118).

И нет ни малейшего сомнения в том, что от Траутмана–1910 следует вернуться к Нессельману–1873 и вывести за рамки учения об ЭС вопрос об отражении в его фаунолексике каких-либо фантастических существ вообще.

2.0. К рассмотренной выше экстралингвистической оппозиции при трактовке статьи EV 708 – сказочное существо или же реальная птица (см. 1) сам же Нессельман прибавил еще одну – на этот раз уже собственно языковедческую. Объективные трудности, связанные с адекватностью восприятия исследователями рукописного текста (ныне – лишь фотокопии) ЭС, вызвали к жизни появление того, что выше мы определили как вопрос о внешней форме прусского соответствия нем. *grif* EV 708 (см. 0).

2.1. Сказанным и объясняется то, почему автор *Тезауруса прусского языка* в ходе углубления своего знакомства с ЭС фактически внес в историю изучения этого памятника еще одну альтернативу: на сей раз речь шла о двух вариантах прочтения графической формы того же самого, выше уже обсуждавшегося прусского орнитонима, которым было переведено нем. *grif*.

Так, если в 1868 г. первый публикатор ЭС прочел прусское соответствие нем. *grif* EV 708 как *aukis*, то пять лет спустя он уже изменил свой взгляд, находя в лексеме форму *ankis* (“In der Ausgabe des Voc. hatte ich *aukis* geschrieben, *ankis* ist aber unbedingt vorzuziehen”). И можно не сомневаться в том, что точкой опоры при авторской ревизии прежнего мнения относительно аутентичной прусской формы стала для ученого возможность связать по-иному увиденную форму орнитонима с такими названиями грифа, как цслав. *иногъ*, *ногъ* и под. (Nesselmann 1873: 6).

2.2.0. Нельзя не отметить, что и в отношении нового варианта идентификации Нессельманом прусской части статьи EV 708 Траутман вновь выступил в роли оппонента автора *Тезауруса прусского языка*, когда принял версию А. Беценбергера, который прочитывал исследуемое

нами птичье название именно как *aukis* (Trautmann 1910: 306). Подчеркнем: к такому видению структуры западнобалтийского орнитонима учитель Траутмана шел своим собственным путем, тогда как ученик Беценбергера – лишь следовал за метром.

Об этом мы считаем необходимым высказаться со всей ясностью, поскольку в новейших работах о птичьем фрагменте ЭС даже при различной ориентации их авторов относительно формы реконструируемого названия стала намечаться общая тенденция представлять взгляды А. Беценбергера и Р. Траутмана по поводу прусского обозначения пернатого EV 708 как два различных этапа в истории исследования западнобалтийского слова.

Ср.: 1) “Bezenberger 1874: 1236 <Ankis>

Trautmann 1910: 306 <Aukis>” (Dini 1993: 212) и

2) “Bezenberger (1874: 123) las *Ankis*,

Trautmann (1910: 306) hingegen *Aukis*” (Hinze 1996–97: 147; подчеркнуто нами. – А.Н.).

Как видим, если в первом случае ученик различие в формах как бы обусловлено существованием “хронологических ножниц”, то во втором – оба исследователя уже противопоставлены один другому: Беценбергер читал *Ankis*, Траутман напротив – *Aukis*.

Но так ли все было и на самом деле?

Обратимся к первоисточникам.

2.2.1. Во-первых, если в обоих указанных выше случаях Беценбергер и привел форму *ankis*, то это было лишь заглавием обсуждаемой словарной статьи из *Тезауруса прусского языка* Г. Г. Ф. Нессельмана, т.е. фактически кратчайшая “цитата” в прочтении только что названного лексикографа. Ср. соответствующий фрагмент из постатейных замечаний рецензента:

“– *Ankis*. Ob ksl. *nogŭ* etwas mit dem Worte zu tun hat, erscheint sehr zweifelhaft. Got. *áinaha*, *áinakls* ist jedesfalls fern zu halten” (Bezenberger 1874: 1236).

Как видим, автор отзыва, принимая исходную форму как нечто данное, в то же время высказывает недоверие к корректности ее этимологизации. Приведенный текст ни в коей мере не доказывает того, что Беценбергер при первом же знакомстве с “тезаурусным” представле-

нием прусского орнитонима сразу же стал сторонником его прочтения именно как **ankis*. Если приводимые лексикографом сближения кажутся для рецензента “очень сомнительными”, а предлагаемые родственные слова – “далекими”, то можно ли автора таких оценок считать единомышленником Нессельмана по части реконструкции исходной формы прусского названия птицы?

2.2.2. Во-вторых, между двумя рецензиями Беценбергера на прусский *Тезаурус* Нессельмана (1874 г.), с одной стороны, и *Индоевропейский акцент* Г. Хирта (1896 г.) – с другой, были опубликованы и его краткие этимологические заметки, одна из которых уже содержала ту германо-балто-славянскую параллель, где, по словам автора, “объединяются под одним корнем”, употребляемым для обозначения “голосов животных”, др.-в.-нем. *ūwila* ‘сова’, лтш. *auka* ‘буря’ и серб. *uka* ‘крик’ (Bezzenberger 1890: 120). Именно эти примеры и войдут в будущее высказывание исследователя о прус. *aukis*, подготовив почву для ономато-поэтической интерпретации данного орнитонима.

Что же касается иного, чем у Нессельмана, формы прочтения – *aukis* вместо *ankis*, то нельзя забывать, что именно Беценбергер как подготовивший и издавший в соавторстве с В. Зимоном (W. Simon) фотокопию ЭС (см. Mažiulis 1966: 29) имел возможность рассмотреть прусское слово не только сквозь призму этимологии, но и в его непосредственном начертании на соответствующей странице рукописного памятника!

2.2.3. Наконец, в-третьих. О каком противопоставлении взгляда Р. Траутмана точке зрения А. Беценбергера может идти речь, если ученик полностью разделяет позицию своего учителя? Для наглядности приведем в оригинале оба текста:

1. A. Bezzenberger (1896: 304):

“Eine ablautsreihe *ōu, ou, ū* (vgl. W. Schulze K. Zs XXVII 422) setze ich voraus für lit. (*ap-*)*úo* < *u* > *kas* ‘Nachteule, Käuzchen’, lett. (*ap-*)*ogs*, ‘Steinkäuzchen’ (mit *g* durch Anlehnung an russ. *pugač*?) – preuss. *aukis* ‘Greif’, lett. *auka* ‘Sturmwind’, nsl. *ukati* ‘jauchzen’, serb. *uka* ‘Geschrei’ – lett. *ūkšot* (*unkšēt*) ‘das gegenseitige Sichzurufen der Hirten’. Dazu skr. *úl-ūka* ‘Eule, Käuzchen’, lat. *ul-ucus* (? Singer PB. Beitr. XII 212), ir. *uch* ‘Seufzen’, got. *aúhjón* ‘lärmern’ (*aú* ?), ahd. *ūwila* ‘Eule’, *ūfo* ‘Uhu’, an. *ugla* ‘Eule’, ags. *eów*

'Gryps' (Holtzmann. Gram. S. 225) aus *euqó-z* (= preuss. *aukis*?; die Übereinstimmung der Bedeutungen ist sehr merkwürdig)".

2. R. Trautmann (1910: 306):

"*aukis* Mask. V. 708 'grif' ['der fabelhafte Vogel Greif'; schon wegen seiner Stellung vor dem Adler nicht 'Geier', wie Nesselmann, Thes. 6 will]: li. *apúokas* 'Nachteule, Käuzchen', le. *auka* 'Sturmwind'; nslov. *úkatí* 'jauchzen'; le. *ūkšot* 'das gegenseitige Sichzurufen der Hirten'; skr. *úlūka* 'Eule'; ir. *uch* 'Seufzen'; got. *auhjon* 'lärmern'; anord. *ugla* 'Eule'; ags. *eów* 'gryps'. Bezzenberger. BB. 21. 304n".

Даже беглого взгляда на обе цитаты вполне достаточно для того, чтобы убедиться в одном: при обращении к истории исследования прусского орнитонима EV 708 впредь ни в коем случае от Беценбергера нельзя отделять Траутмана, а тем более – первому противопоставлять второго. И прочтение (*aukis*), и оноματοпоэтическая этимология прусского соответствия нем. *grif* EV 708 принадлежат исключительно Адальберту Беценбергеру (1896 г.).

2.2.4. Что же касается Рейнгольда Траутмана, то ученик Беценбергера лишь последовал за своим учителем, когда в 1910 г., во-первых, принял этимологически обоснованную последним форму орнитонима *aukis*, а во-вторых, повторил бóльшую часть (9 из 14) составленного им ряда родственных ей индоевропейских лексем, само обнаружение которых его метром и стало решающим аргументом в пользу именно такой (вместо варианта *ankis* у Нессельмана 1873 г.) интерпретации графического облика птичьего названия.

В целом можно сказать, что Траутман фактически выступил в роли популяризатора и прусской формы, и ее этимологии "от Беценбергера", хотя авторство последнего порой даже теряется за именем его ученика (ср. Mažiulis 1988: 112).

2.2.1–4. Таким образом, вряд ли корректно приписывать Беценбергеру будто в 1874 г. он воспринимал прусский орнитоним EV 708 как *ankis*, что имеет место в уже упомянутой выше литературе вопроса. В действительности же рецензент первой попытки создания этимологического словаря прусского языка лишь – скажем так – "процитировал"

ту форму названия, на которой (после своего отказа от первоначального варианта прочтения – *aukis*) остановился Нессельман. Более того, предложенное последним сближение прус. *ankis* с цслав. *ногъ* представлялось его критику “очень сомнительным” (Bezzenberger 1874: 1236), что фактически переводило, казалось бы, уже найденную автором *Тезауруса* этимологическую опору для своего нового видения прусского названия в разряд весьма шатких. Разве сказанное может свидетельствовать о том, что рецензент был согласен с трактовкой формы орнитонима EV 708 именно как *ankis*?

2.2.5. Определив действительное место Беценбергера в хронике обращений к теме прусского соответствия нем. *grif* EV 708, попытаемся проследить за развитием мысли ученого или хотя бы наметить основные вехи в интерпретации графической формы и разработки этимологического содержания прус. *aukis*.

1) Из предложенного обзора становится ясным, что сначала (1874 г.) у исследователя могло возникнуть сомнение в корректности предложенной Нессельманом первой (по времени) этимологии реконструированной последним для ЭС прусской орнитонимической формы *ankis*, которую тот в 1873 г. предпочел своему же предыдущему варианту прочтения *aukis*, представленному в подготовленном им же первом издании Эльбингского словаря в 1868 г. (см. Dini 1993: 212).

2) Затем (1890 г.) профессор Кенигсбергского университета напечатал этимологическую разработку, посвященную в частности германо-балто-славянским рефлексам и.-е. **keuq-*, где в одном ряду оказались др.-в.-нем. *ūwila* ‘сова’ и лтш. *auka* ‘буря’: отсюда оставалось сделать только один шаг, чтобы перейти к названию еще одной птицы – на этот раз прус. *aukis*.

3) И, наконец (1896 г.), такая встреча – отнюдь не с вариантом *ankis*, а исключительно с формой *aukis* – и состоялась, когда Беценбергер непосредственно и наиболее обстоятельно подошел к исследуемому нами орнитониму, найдя для него прочное место в достаточно длинной цепи принадлежащих различным индоевропейским языкам слов, связанных отношениями чередования гласных (*ōu, ou, ū*).

2.2.6. Нельзя не отметить, что после Траутмана (Trautmann 1910: 306) форма и этимология прус. *aukis* в трактовке Беценбергера 1896 г. вошла во все этимологические словари (или же этимологические части

общих словарей) балтийских языков XX ст. (ME 1923, 221 – s. v. *aũka*; Endzelins 1943: 146; Fraenkel 1962: 11 – s. v. *apúokas*; Топоров 1975: 148–149; Mažiulis 1988, 111–112; Karulis 1992: 87 – s. v. *auka*).

Однако в 1993 г. уже почти столетняя традиция неожиданно была прервана публикацией сразу двух статей: одна из них призывала вернуться к версии Нессельмана 1873г. – **ankis* (B. Schlerath – см. Hinze 1996–97: 147–148), другая предлагала третий путь – **aubis* (Dini 1993: 214).

Если теперь попытаться представить основные вехи в истории исследования прусского соответствия нем. *grif* EV 708, то такую “летопись” можно разместить в следующей таблице:

Год	Форма I	Автор	Форма II	Автор	Форма III	Автор
1868	<i>aukis</i>	Нессельман	–	–	–	–
1873	→	→	<i>ankis</i>	Нессельман	–	–
1896	–//–	Беценбергер	–	–	–	–
1910	–//–	Траутман	–	–	–	–
1943	–//–	Эндзелин	–	–	–	–
1975	–//–	Топоров	–	–	–	–
1988	–//–	Мажюлис	–	–	–	–
1992	–//–	Карулис	–	–	–	–
1993	–	–	–//–	Шлерат	<i>aubis</i>	Дини

2.2.7. Указав на сосуществование трех различных вариантов прочтения орнитонима (см. также Blažek 1998: 8–9), мы тем не менее продолжаем придерживаться одного. Это линия Нессельмана (с 1868 по 1873) – Беценбергера (1896) – Траутмана (1910) и их последователей, видевших в прусском птичьем названии EV 708 форму *aukis*.

3.0. В соответствии с тем планом, который был анонсирован в самом начале нашего разыскания (см. 0), после определения внешнего облика прусского орнитонима *aukis* (см. 2) перейдем к рассмотрению его внутренней формы, т. е. этимологии.

Если Беценбергер определил, что – как упоминалось выше (см. 2.2.2) – корень, выступающий в данном птичьем наименовании, употребляется для обозначения “голосов животных” (Bezenberger 1890, 120), то тем самым было установлено звукоподражательное происхо-

ждение орнитонима № 2 в реестре пернатых ЭС. И такую точку зрения дружно поддержали авторы новейших этимологических словарей прусского языка. Ср.: “Можно предположить, что речь идет о названии птицы, в основе которого подражание характерному крику” (Топоров 1975: 148). И более категорично после того, как был приведен ряд уже упомянутых соответствий прус. *aukis*, высказался В. Мажюлис: “Все эти слова в конце концов являются ономатопоэтического происхождения” (Mažiulis 1988: 112).

Вместе с тем уже столетняя традиция этимологизации прус. *aukis* EV 708 вовсе не исключает возможности поиска и иной внутренней формы этого орнитонима.

3.1. Стремясь наглядно проиллюстрировать свой тезис о многообразии географического варьировании форм живого языка, Пр. Скарджюс привел такую сводку свидетельств:

“... то, чем для жителей Вялюоны [м-ко Юрбаркского р-на . – А.Н.] является *peslỹs* ‘определенный вид ястреба, Milan (Milvus)’, то в Куляй, Моседис [м-ки соответственно Плунгенского и Скуодасского р-нов. – А.Н.] и др. называют *klỹkis*, в Юрбаркасе и Кведарне [м-ко Шилальского р-на. – А.Н.] – *súopis*, а в Дусятах [центр одноименного р-на. – А.Н.] – *liñgè*” (Skardžius 1943: 571–572).

Если выстроить этот синонимический ряд в алфавитном порядке – *klỹkis*, *liñgè*, *peslỹs*, *súopis*, то окажется, что по своей внутренней форме приведенная серия разделяется на две части – орнитонимы, ориентированные, с одной стороны, на голос птицы, а с другой – на ее полет.

Так, лит. *klỹkis* ‘красный коршун (*Milvus milvus*)’ – как название одной из птиц (LKŽ_{VI} 88), образованное от звукоподражательного глагола *klỹkti* ‘кликать (о птицах)’ (см. Fraenkel 1962: 271), в этом смысле является противопоставленным лит. *peslỹs* ‘коршун, хищная птица семейства ястребиных (*Milvus*)’ (LKŽ_{IX} 869): от и.-е. **pet-* ‘летать, падать’ (Fraenkel, *ibid.*, 579).

Что же касается остальных примеров из “хищноптичьей” серии Скарджюса, то еще в 1921 г. К. Буга вышел на чрезвычайно интересное для нашего разыскания обобщение: “Как *liñgè* ‘лунь’ получило свое имя от “*lingavimosi*” (‘качания’. – А.Н.), так и имеющее с ним общее значе-

ние *suopis* ['канюк'] должно было получить [название] от "supavimosi", "supimosi" " (Būga 1959: 359), т.е. 'колыхания'.

Таким образом, если в синонимическом ряду хищных пернатых, названия которых собрал Скарджюс, соотношение альтернативных внутренних форм – голос или полет птицы – обнаружило преобладание последней (3: 1), то в этом же варианте этимологизации Буга установил общую девербативную модель двух орнитонимов: *liñgė* ← *lingúoti* и *súopis* ← *sùpti*, т. е. 'качаться' → 'птица'.

Это и направляет нас на поиски глагола, который помог бы ответить на вопрос о внутренней форме прус. *aukis*.

3.2.1. Подобно тому, как для аргументации этого разыскания весьма актуальным оказался составленный Скарджюсом совсем для другой цели синонимический ряд имен существительных (см. выше), точно также Академический словарь литовского языка очень кстати предоставляет теперь в наше распоряжение серию совпадающих по своему значению глаголов:

"*aukúoti* ... *supti*, *linguoti*, *liūliuoti*: Močia arba auklė aukuoja kūdikį, t. y. ant rankų linguoja, šokina" (LKŽ₁ 496), где иллюстрирующий пример можно перевести как 'мать или няня колышет ребенка, т. е. качает на руках, поднимая, баюкает'.

Если сопоставить обе цепочки только что приведенных образований –

(I) *aukúoti*, *lingúoti*, *liūliuoti*, *sùpti*, с одной стороны, и

(II) *klýkis*, *liñgė*, *peslỹs*, *súopis* – с другой, то среди тех глагольных форм, которые в отличие от *lingúoti* и *sùpti* не получили соответствующего девербатива (ср. в той же последовательности *liñgė* и *súopis*), окажется, в частности, *aukúoti*. И сам собою напрашивается вопрос: а не имеют ли между собой генетической связи лит. *aukúoti* и прус. *aukis*?

3.2.2. Известных нам локализованных примеров употребления глагола *aukúoti* в говорах литовского языка слишком мало: это Шакяй (ibid.) и Шакина, Шяуляйского р-на (Būga 1959: 642). Относительно последнего пункта мы имеем подтверждение со стороны др. И. Эрманите, которая сообщила автору этих строк (Вильнюс, Институт литовского языка, июнь 2006 г.), что слово *aukúoti*, *-uoja*, *-avo* 'supti, linguoti, liūliuoti (vaiką)' она слышала от своей матери, происходившей именно из Шакины.

Еще одним территориально приуроченным ответом на наш вопрос мы обязаны др. Б. Стунджиене (там же, Институт литовской литературы и фольклора, тогда же) – *paaukúoti* ‘trumpai vaiką pakilnoti, pasupti’: *Paaukuok vaiką, gal nustos verkti* (окрестности Пасвалиса, уезд Паневежис), т. е. ‘Покачай ребенка, может, перестанет плакать’.

Кроме того, ввиду того, что основные иллюстрации из упомянутой статьи в LKŽ отсылают к лексикографическому труду А. Юшки, то не лишним будет отметить и локализацию исходных материалов, собранных его автором: “это общий словарь разговорной речи [н. п.] Пушалотас, Вялюона, Вилькия, Альседжяй и их окрестностей” (Tolutienė 1961: 151).

Поскольку перечисленные местечки относятся соответственно к Пасвалисскому, Юрбаркскому, Каунасскому и Плунгенскому районам, то в целом намечаются два ареала употребления глагола *aukúoti* – 1) по обоим берегам Нямунаса (ср. выше указание на м-ко Шакяй) и 2) вдоль северной окраины Литвы (ср. подтверждающее свидетельство о Шакине и фиксацию такой формы в окрестностях Пасвалиса).

3.2.3. В таком же „колыбельном” ключе выступает этот глагол и в памятниках литовского языка: древнейший пример употребления исследуемого слова отмечен в текстах Й. Бреткунаса (Fraenkel 1962: 24 – s.v. *aikà*), т. е. под 1590 (завершение перевода *Библии*) или 1591 гг. (издание *Постиллы*). Несколько позже подобное свидетельство появилось и в *Постилле* М. Даукши 1599 г. (430/13), где речь идет о баюканье (деепричастие – *aikuodamas*) “святого младенца” (LKŽ₁ 496).

И, хотя рукописные памятники немецко-литовской лексикографии XVII в. толкуют лит. *aukuoti* лишь как “sprengen in die Höhe” (CGL_{III} 559 / 551; LL 353 / 82), однако увидевшие свет двусторонние словари XVIII в. в своих статьях об “*aukóju*” подают более подробно выписанное значение. Ср. “ich sprengte ein Kind, hebe es auf und nieder” (Ruhig 1747: 10) и “ich hebe ein Kind auf, wiege es auf den Armen” (Mielcke 1800: 15).

Как нам кажется, такая же “колыбельная” семантика, скорее всего, стоит и за упомянутыми выше свидетельствами из лексиконов XVII в., в которых при “sprengen in die Höhe” следует подразумевать “ein Kind”.

Вместе с тем Lituanica восточнопрусского региона предоставляет в наше распоряжение и единственный текст, содержащий в себе искомый глагол. Так, в одном из сюжетов поэмы Кр. Донелайтиса *Времена года*,

датируемой 1765–75гг., речь идет о том, что, подражая взрослым, девочки играют со своими куклами, “качая их на локтях” (*aukiúodamos ant alkūnių*; LKŽ₁ 496).

3.2.4.0. Приведенная выше цитата из LKŽ (3.2.1) имеет своим источником *Литовский словарь* А. Юшки. И здесь нельзя не подчеркнуть того, что “весь материал словаря взят из уст народа, а не унаследован из уже опубликованных работ и словарей”, что сам же автор “считал самой ценной особенностью своего труда” (Tolutienė 1961: 150). Следовательно, свидетельства А. Юшки не только собраны исследователем “из первых рук”, но в то же время являются и вполне независимыми от данных других авторов, что исключает возможность влияния со стороны последних.

3.2.4.1. В статье об *aukiuoti* автор словаря выделил, в частности, два значения: 1. ‘качать на руках; *hojdać na ręku dziecię*’ и 2. ‘качать подбрасывая снизу вверх; *bujać – kołysać z góry na dół*’ (Юшкевич 1897: 177). Каждую из этих семантических характеристик лексикограф проиллюстрировал одним примером со своим объяснением.

Так, в последнем случае читаем: “*Vilnys aukuoja sielį (płyt drzewa), valtį ant Nemuno, vandens, t. y. linguoja, supuoja*” (там же), т. е. ‘волны колышат плот, лодку на Нямунасе, воде’. К сожалению, это свидетельство употребления исследуемого глагола во втором значении – в отличие от “колыбельного” – так и останется одним-единственным и в Академическом словаре.

Что же касается баюканья ребенка, то в этом плане *aukuoti* как минимум дважды встречается в свадебных песнях, записанных тем же исследователем в Вялюоне и ее окрестностях. Ср. [*dukrelė*]

Ant baltų rankų aukuota,

Margo vygele vygiuota (Юшкевич 1883: 140 № 159), т. е. [дочурка, которую] ‘На белых руках баюкали / В пестрой колыбели качали’.

3.2.4.2. Однако значительный интерес уже не в семантическом, а в словообразовательном аспекте вызывает еще одна статья из рассматриваемого словаря:

“*Aúkas, -ka m.* ‘качание ребенка на руках, нянчение; *hojdanie na ręku. V. aukuoti*” (Юшкевич 1897: 176).

Помещенная в первом издании (1941г.) LKŽ (¹LKŽ₁ 386), эта статья

была повторена и во втором (²LKŽ, 474). Для нашей темы такая форма имеет особую значимость. И вот почему.

Лит. *aúkas* является таким же флективным производным от *aukúoti*, как и прус. *aukis* EV 708 от соответствующего прусского глагола. Разница между обеими формами заключается лишь в том, что если литовский девербатив обозначает действие, то прусский – деятеля. Вместе с тем не может не обратить на себя внимания то обстоятельство, что, по мнению В. Мажюлиса, именно прус. **aukas* (т.е. реконструкция, тождественная реально засвидетельствованному литовскому слову!) должно было предшествовать эльбингскому орнитониму *aukis* (Mažiulis 1988: 112). И как бы там ни было, но уже сам факт прусско-литовской общности при использовании одной и той же деривационной модели свидетельствует о глубине совместных языковых переживаний на генетически тождественном материале производных образований от известного (литовского) и предполагаемого (прусского) глаголов.

3.3. Рассмотрение прус. *aukis* EV 708 сквозь призму свидетельств литовского языка имеет весьма убедительное и к тому же собственно орнитологическое обоснование – соответствующую технику полета пернатых.

Как известно, высматривая себе добычу, хищные птицы подолгу парят в воздухе. Ср.: “Все крупные виды коршунов являются хорошими планеристами, которые, кружась, могут легко держаться на больших высотах” (Fischer 1963: 10).

И удивительно точно представил свой “разбор полетов” такого рода неизвестный автор сюжета в Галицко-Волынской летописи, когда, повествуя о событиях 1245 г., он живописал то, что именно увидело в небе войско князя Даниила Романовича:

“...и бывшую знаменію сице надъ полкомъ: сице пришедшимъ орломъ и многымъ вѣрономъ, яко оболочу велику, играющимъ же птицамъ, орломъ же клѣкощущимъ и плавающимъ крилы своими и въспрометающимъ же ся на воздусь, яко же никогда николи же не бѣ; и се знаменіе [не] на добро бысть” (ГВЛ 107/685).

Наблюдения над тем, каким способом летают различные виды птиц, нашли свое обобщение и в складывании одного из принципов их назы-

вания. И такой тип номинации пернатых применяет не только балтийская, но и славянская орнитонимия.

Так, например, праслав. **lel'ьkъ*, **lel'akъ*, **lelikъ* 'козодой (*Caprimulgus europaeus*)' и др. (в том числе и бел. диал. *леляк* 'ястреб') "большинство исследователей относит к праслав. **lelěti*, **lelējati* ['качать(ся), колыхать(ся), шатать(ся)'. – А.Н.] ... считая, что птица названа так по характерному для нее "качающемуся" полету" (ЭССЯ 14: 105).

Ср. также в польской книге о птицах 1779 г. определенный вид сокола (*Falco cherrug* Gray) носит наименование *sokoł pływacz*, поскольку "latając tak właśnie jak pływa po powietrzu" (Strutyński 1972: 106), т.е. букв. 'пловец', который летает так, 'как будто плавает по воздуху'.

3.1–3. Все, о чем было сказано выше, позволяет уверенно предложить альтернативную к существующей "голосовой" "полетную" этимологию прусского орнитонима *aukis* EV 708.

Ориентируясь на лит. *aukioti* 'колыхать, покачивать, баюкать', можно считать прус. *aukis* таким же флективным производным образованием, как и лит. *liñgė* 'лунь' или *siūpis* 'канюк'. И весьма важно, что оба деривата создают для исследуемого нами прусского орнитонима прочный семантико-типологический контекст в территориально ближайшем к западно-балтийскому литовском языковом ареале. Следовательно, название № 2 в орнитонимическом реестре ЭС как образованное по той же модели 'качание' → 'птица', которая уже была установлена в литовской лексике (см. 3.1), является еще одним аргументом против того, что в статье *grif aukis* EV 708 могла идти речь о некоем сказочном существе, а не о реально существующем пернатом.

Реконструкция внутренней формы прус. *aukis* не только подтверждает корректность именно такого варианта прочтения рукописного начертания орнитонима, но и вводит его в широкий контекст балтийских производных образований с общим значением 'высь', 'высокий', 'высшаться', 'высоко' и т.п.

Если в обоих новейших этимологических словарях прусского языка орнитоним *aukis* EV 708 в его ставшей традиционной оноματοпоэтической интерпретации оказывается изолированным образованием западнобалтийской лексики (топонимические параллели, строго говоря, лишены однозначности предполагаемой семантики своих форм), то в нашем случае обсуждаемое птичье название уже не является одино-

ким. Вычленяемый в этой форме корень **auk-* находится в отношениях чередования с **uk-*, представленным, как было определено еще А. Беценбергером, в прусском префиксе превосходной степени *иска-*, который стоит в одном ряду с лит. *aukúoti* ‘качать, поднимать вверх, ввысь’. Ср. упоминание о связи обеих этих форм у Я. Эндзелина (Endzelins 1943: 268).

Таким образом, если издавна существующая этимологическая версия прусского орнитонима EV 708 была сориентирована на лит. *ūkauti* ‘аукать, перекликаться’, то предложенная нами – на омонимичный ему глагол *ūkauti* ‘носить на руках, качать’ (ср. Fraenkel 1962: 1159–1160; LKŽ_{xvii} 400–401). Однако соответствующего звукоподражательного инфинитива – “двойника” к рассмотренному выше *aukúoti* не зафиксировано.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- ANDRÉ, J. 1967: *Les noms d'oiseau en latin*. Paris: Librairie C. Klincksieck.
- BEZZENBERGER, A. 1874: [Anzeige] G. H. F. Nesselmann. *Thesaurus Linguae Prussicae*. Berlin, 1873. *Göttingische Gelehrte Anzeigen*. Stück 39. 30. September 1874, 1221–1250.
- BEZZENBERGER, A. 1890: Etymologien. *Beiträge zur Kunde der indogermanischen Sprachen, herausgegeben von A. Bezzenberger*, Bd. 16, 120.
- BEZZENBERGER, A. 1896: [Anzeige] H. Hirt. *Der indogermanische Akzent. Ein Handbuch*. Strassburg, 1895. *Beiträge zur Kunde der indogermanischen Sprachen, herausgegeben von A. Bezzenberger und W. Prellwitz*, Bd. 21, Heft 1, 289–315.
- BLAŽEK, V. 1998: Old Prussian bird names. In: W. SMOCZYŃSKI, ed., *Colloquium Pruthenicum secundum. Papers from the Second International Conference on Old Prussian held in Mogilany near Kraków, October 3rd–6th, 1996*. Kraków: Universitas, 7–23.
- BŪGA, K. 1959: *Rinktiniai raštai II*. Sudarė Z. Zinkevičius. Vilnius: Valstybinė politinės ir mokslines literatūros leidykla.
- CGL = *Clavis Germanico-Lithuana. Rankraštinis XVI amžiaus vokiečių-lietuvių žodynas*. III: M–S. Vilnius: Mokslo ir enciklopedijos leidybos institutas, 1997.

- DINI, P. U. 1993: *Linguistica e filologia baltica: pruss. VE 708 e lit. Baūbis. Linguistica Baltica* 2, 211–239.
- DRIVER, G. R. 1955: Birds in the Old Testament I. Birds in low. *Palestine Exploration Quarterly* 87, 5–20.
- ENDZELĪNS, J. 1943: *Senprūšu valoda. Ievads, gramatika un leksika*. Rīgā: Universitātes apgāds.
- ЭССЯ 14 = *Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд*. 14. Под ред. О. Н. Трубачева. Москва: Наука.
- FISCHER, W. 1963: *Die Geier*. Wittenberg: A. Ziemsen Verlag.
- FRAENKEL, E. 1962: *Litauisches etymologisches Wörterbuch*. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag – Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.
- GRIMM, J. & W. 1935: *Deutsches Wörterbuch*. Bd. 4, 1. Abteilung, 6. Teil. Leipzig: Verlag von S. Hinzl.
- ГУРА, А. В. 1997: *Символика животных в славянской народной традиции*. Москва: Индрик.
- ГВЛ = *Галицько-Волинський літопис. Дослідження. Текст. Коментар*. За ред. М. Ф. Котляра. Київ: Наукова думка, 2002.
- HINZE, F. 1996/1997: Die altpreußischen Bezeichnungen der Wild-Avifauna und des Hausgeflügels. *Linguistica Baltica* 5, 145–181.
- ЮШКЕВИЧ, А. 1883: *Литовские свадебные народные песни*, записанные А. Юшкевичем и изданные И. Юшкевичем. Санкт-Петербург: Издание Отделения русского языка и словесности импер. АН.
- ЮШКЕВИЧ, А. 1897: *Литовский словарь с толкованием слов на русском и польском языках*. Санкт-Петербург.
- KARULIS, K. 1992: *Latviešu etimoloģijas vārdnīca divos sējumos*. I. A–O. Rīga: Avots.
- ЛЕ ГОФФ, Ж. 2005: *Цивилизация средневекового Запада*. Екатеринбург: У-Фактория.

- LKŽ = *Lietuvių kalbos žodynas* I. Redagavo J. BALČIKONIS. Vilnius, 1941; I. Antras leidimas. Vilnius: Mintis, 1968; VI. Vilnius: Valstybinė politinės ir mokslinės literatūros leidykla, 1962; IX. Vilnius: Mintis, 1973; XVII. Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidykla, 1996.
- LL = *Lexicon Lithuanicum. Rankraštinis XVII a. vokiečių-lietuvių kalbų žodynas*. Vilnius: Mokslas, 1987.
- MAŽIULIS, V. 1966: *Prūsų kalbos paminklai*. Vilnius: Mintis.
- MAŽIULIS, V. 1988: *Prūsų kalbos etimologijos žodynas*. 1. A–H. Vilnius: Mokslas.
- ME = MÜHLENBACHS, K. *Latviešu valodas vārdnīca*. Rediģējis, papildinājis, turpinājis J. ENDZELĪNS. I. Rīga: Izglītības ministrija, 1923.
- MIELCKE, Chr. G. 1747: *Littauisch-deutsches und deutsch-littauisches Wörterbuch*. Königsberg: Hartungsche Hofbuchdruckerey.
- НЕПОКУПНИЙ, А. П. 2005: Дохристиянські початки пруської та німецької назв королька в Ельбінзькому словнику. *Мовознавство* 3–4, 69–79.
- НЕПОКУПНЫЙ, А. 1998: Прусское название христианского священника: *prestors* EV 707. In: W. SMOCZYŃSKI, ed., *Colloquium Pruthenicum secundum. Papers from the Second International Conference on Old Prussian held in Mogilany near Kraków, October 3rd–6th, 1996*. Kraków: Universitas, 109–119.
- НЕПОКУПНЫЙ, А. П. 2002: К прусским этимологиям Я. Эндзелина: реальное и сказочное в семантике названий двух птиц Эльбингского словаря. In: *Valodas vienību semantika un tās izpētes aspekti. Akadēmika Jāņa Endzelīna 129. dzimšanas dienas atceres starptautiskās zinātniskās konferences materiāli*. Rīga: LU Latviešu valodas institūts, 43–45.
- NESSELMANN, G. H. F. 1873: *Thesaurus linguae Prussicae. Der preussische Vocabelvorrath...* Berlin: F. Dümmlers Verlagsbuchhandlung.
- RUHIG, Ph. 1747: *Littauisch-Deutsches und Deutsch-Littauisches Lexicon*. Königsberg: Johann Heinrich Hartung.
- SCHLERATH, B. 1993: Altpreußisch *aukis* 'Grif' und litauisch *apuokas* 'Eule'. In: *Sprache in der Slavia und auf dem Balkan. Slavistische und balkanologische Aufsätze Norbert Reiter zum 65. Geburtstag*, hg. von U. HINRICHS, H. JACHNOW,

- R. LONER, Y. SCHUBERT. Wiesbaden: Harrassowitz (= Opera Slavica N. F., Bd. 13), 225–232.
- SCHMALSTIEG, W. R. 1997: [Rec.] V. Mažiulis. *Prūsų kalbos etimologijos žodynas* II, Vilnius, 1993; III, Vilnius, 1996. *Baltistica* 32 (2), 249–256.
- SKARDŽIUS, Pr. 1943: *Lietuvių kalbos žodžių daryba*. Vilnius: Lietuvių kalbos institutas.
- STRUTYŃSKI, J. 1972: *Polskie nazwy ptaków krajowych*. Wrocław–Warszawa–Kraków–Gdańsk: Zakład Narodowy im. Ossolińskich.
- STUNDŽIA, B. 1996: Colloquium Pruthenicum secundum. *Baltistica* 31 (2), 279–280.
- TOLUTIENTE, B. 1961: A. Juška leksikografas. *Literatūra ir kalba* 5, 87–377.
- ТОПОРОВ, В. Н. 1975: *Прусский язык. Словарь. А–Д*. Москва: Наука.
- TRAUTMANN, R. 1910: *Die altpreußischen Sprachdenkmäler*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.